

ВЛАДИСЛАВ ШПИЛЬМАН

ПИАНИСТ

литературная основа
легендарного фильма

новый
перевод

основано на
реальных событиях

Холокост. Палачи и жертвы

Владислав Шпильман

Пианист

«Издательство АСТ»

1998

УДК 78.071.2:929
ББК 85.315.3

Шпильман В.

Пианист / В. Шпильман — «Издательство АСТ»,
1998 — (Холокост. Палачи и жертвы)

ISBN 978-5-17-110342-2

Книга выдающегося польского пианиста и композитора Владислава Шпильмана рассказывает о тяжёлых испытаниях, выпавших на его долю в годы Второй мировой войны в Варшавском гетто. Он не просто пытался выжить, но по мере сил участвовал в сопротивлении врагу, пришедшему на родную землю. Однако впоследствии именно помощь немецкого офицера позволила ему спастись. Отрывки из дневников того самого офицера, Вильма Хозенфельда, также включены в издание и служат важным дополнением к тому, о чем пишет Шпильман. Книга послужила основой знаменитому фильму, поставленному Романом Полански.

УДК 78.071.2:929

ББК 85.315.3

ISBN 978-5-17-110342-2

© Шпильман В., 1998

© Издательство АСТ, 1998

Содержание

Предисловие	6
1. Час детей и безумцев	8
2. Война	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владислав Шпильман
Пианист. Необыкновенная история
выживания в Варшаве в 1939–1945 годах

Wladyslaw Szpilman
The Pianist

Copyright © Wladyslaw Szpilman, 1998
Foreword: Copyright © Andreas Szpilman, 2017
© Оформление, ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

До самого последнего времени мой отец никогда не рассказывал о том, что пережил во время войны. И всё же эти воспоминания сопровождали меня с детства. Из этой книги, которую я тайком снял с дальней полки, когда мне было двенадцать лет, я узнал, почему у меня нет бабушки и дедушки по отцу и почему отец никогда не рассказывал о своей семье. Книга открыла мне часть меня самого. Как я знал, отцу было известно, что я прочел её, но мы никогда её не обсуждали. Возможно, именно поэтому мне никогда не приходило в голову, что эта книга может что-то значить и для других людей, – на это мне указал мой друг Вольф Бирман, когда я рассказал ему историю отца.

Я много лет прожил в Германии и по-прежнему осознаю болезненный разрыв между евреями с одной стороны и немцами и поляками с другой. Надеюсь, эта книга поможет затянуться до сих пор открытым ранам.

Мой отец Владислав Шпильман – не писатель. По профессии он, как говорят в Польше, «человек, в котором живёт музыка», – пианист и композитор, значимая и вдохновляющая фигура в польской культурной жизни.

Игре на фортепиано отец обучался в Берлинской академии искусств у Артура Шнабеля, там же он изучал композицию у Франца Шрекера. В 1933 году, когда к власти пришёл Гитлер, он вернулся в Варшаву и стал работать пианистом на Польском радио. К 1939 году он написал музыку для множества фильмов, а также много песен и романсов, которые были очень популярны в своё время. Перед самой войной он выступал с концертами вместе с всемирно известным скрипачом Брониславом Гимпелем, Генриком Шерингом и другими знаменитыми музыкантами.

После 1945 года он вернулся на Польское радио и продолжил выступать с концертами сольно и в камерных ансамблях. Он написал несколько симфонических произведений и около трёх сотен эстрадных песен, многие из которых стали хитами. Он сочинял музыку для детей, время от времени писал музыку к радиопостановкам и фильмам.

Отец возглавил музыкальный департамент на Польском радио, но в 1963 году ушёл с этого поста, чтобы посвящать больше времени концертам и «Варшавскому квинтету», который он основал вместе с Гимпелем. В 1986 году, после более чем двух тысяч концертов по всему миру, сольных и с ансамблем, отец оставил выступления и полностью посвятил себя композиции.

Мне жаль, что его сочинения всё ещё не слишком известны на Западе. Думаю, что одна из причин – как культурное, так и политическое разделение Европы пополам после Второй мировой войны. Во всём мире лёгкая, развлекательная музыка нравится гораздо более широкой аудитории, чем «серьёзная» классика, и Польша здесь не исключение. Её жители выросли на песнях моего отца, ведь он задавал тон польской эстрадной музыке на протяжении нескольких десятилетий – но западная граница Польши стала непреодолимой преградой для такой музыки.

Первую версию этой книги отец написал в 1945 году – думаю, больше для себя, чем для остального человечества. Это позволило ему проанализировать свои потрясения времён войны и освободить разум и чувства, чтобы жить дальше.

Книга так и не была переиздана, хотя в 1960-х годах многие польские издательства пытались донести её до молодого поколения. Но все их усилия наталкивались на противостояние. Объяснений не последовало, но реальная причина была очевидна – у властей были свои соображения.

Спустя более полувека после первого издания книга напечатана снова – возможно, это полезный урок для многих хороших людей в Польше, который может убедить их переиздать её в родной стране.

Анджей Шпильман

1. Час детей и безумцев

Моя карьера пианиста в военные годы началась в кафе «Новочесна»¹ на улице Новолипки, в самом центре Варшавского гетто. К ноябрю 1940 года, когда двери гетто захлопнулись, моя семья давно продала всё, что могла, даже главную драгоценность – пианино. Жизнь, пусть и столь блеклая, заставила меня преодолеть апатию и поискать способ заработать на жизнь – и, слава Богу, я его нашёл. Работа оставляла мне мало времени на раздумья, и осознание, что вся семья зависит от моего заработка, со временем помогло мне выбраться из безнадёжности и отчаяния, в которых я пребывал ранее.

Мой рабочий день начинался под вечер. Чтобы попасть в кафе, мне приходилось пробираться через лабиринт узких улочек, уводящих далеко в глубину гетто, – а для разнообразия, если мне хотелось понаблюдать за увлекательной деятельностью контрабандистов, можно было пройти вдоль стены.

Вторая половина дня была лучшим временем для контрабанды. Полиция, устав за утро набивать собственные карманы, следила не так пристально, занятая подсчётом прибыли. Беспокойные силуэты возникали в окнах и дверных проёмах домов вдоль стены и вновь ныряли в укрытие, нетерпеливо ожидая грохота повозки или звона приближающегося трамвая. Время от времени шум по другую сторону стены нарастал, приближалась повозка, запряжённая лошадью, слышался условный свист и через стену летели мешки и пакеты. Тогда те, кто залёг в засаду, выбегали из дверей, поспешно хватали добычу и вновь отступали внутрь домов, и на несколько минут на улице вновь воцарялась обманчивая тишина, полная ожидания, волнения и тайных перешёптываний. В те дни, когда полиция более энергично выполняла свои ежедневные обязанности, можно было услышать эхо выстрелов, смешанное со стуком колёс, а через стену вместо мешков летели ручные гранаты, которые гулко взрывались, сбивая лепнину со зданий.

Стены гетто не по всей длине подходили вплотную к дороге. Через определённые промежутки попадались длинные щели на уровне земли – по ним сточные воды с арийской части дороги направлялись в канализацию под еврейскими мостовыми. Дети использовали эти щели для контрабанды. Маленькие чёрные фигурки спешили к ним отовсюду на тонких, как спички, ногах, а испуганные глаза незаметно поглядывали по сторонам. Затем маленькие чёрные лапки протаскивали груз через щели – зачастую он был больше самих контрабандистов.

Как только добыча оказывалась внутри, дети скидывали её на плечи, горбясь и шатаясь под тяжестью груза. От усилия на висках у них вздувались голубые жилы, они судорожно хватали воздух раскрытым ртом, семена прочь во все стороны, как напуганные крысята.

Их работа была такой же рискованной и несла такую же опасность для жизни и здоровья, как и у взрослых контрабандистов. Однажды я шёл вдоль стены и увидел процесс детской контрабанды, который как будто бы завершился успешно. Еврейскому мальчику с той стороны стены оставалось лишь пролезть обратно через щель вслед за своей добычей. Его тщедушная фигурка уже частично проникла внутрь, но внезапно он закричал, и в тот же миг я услышал хриплый рёв какого-то немца с другой стороны стены. Я бросился к мальчику, чтобы помочь ему поскорее пробраться внутрь, но вопреки нашим усилиям он застрял в стоке на уровне бёдер. Я тянул его ручонки изо всех сил, а его крики становились всё отчаяннее, и ещё я слышал сильные удары, которые наносил полицейский снаружи. Когда я наконец протащил мальчика внутрь, он уже не дышал. У него был раздроблен позвоночник.

На самом деле гетто не нуждалось в контрабанде для пропитания. Большинство мешков и пакетов, попадавших сюда через стену, содержало жертвоприношения поляков беднейшей части

¹ «Современная». – Прим. пер.

евреев. Реальной, налаженной контрабандой управляли такие магнаты, как Кон или Хеллер; она была куда более простой и вполне безопасной. Подкупленные полицейские просто закрывали глаза в условленное время, и тогда, под самым их носом и с их молчаливого согласия, в гетто въезжали целые обозы с продовольствием, дорогим алкоголем, роскошнейшими деликатесами, табаком прямо из Греции, французской галантереей и косметикой.

Я наблюдал контрабандные товары во всей красе каждый день в «Новочесной». Туда приходили богачи, увешанные золотыми украшениями и усыпанные бриллиантами. Под хлоппанье пробок шампанского ярко накрашенные девицы предлагали свои услуги спекулянтам, рассевающимся за богато накрытыми столами. Там я утратил две иллюзии: веру в нашу общую солидарность и в музыкальность евреев.

К «Новочесной» не пускали попрошайек. Толстые портье прогоняли их дубинками. Рикши часто проделывали долгий путь, и расположившиеся там мужчины и женщины зимой были одеты в дорогое сукно, а летом – в роскошные соломенные шляпы и французские шелка. Прежде чем добраться до территории, защищаемой дубинками портье, они сами отбивались от толпы тростями, и их лица были искажены гневом. Милостыни они не давали – в их глазах благотворительность лишь развращала людей. По их мнению, если бы вы работали так же усердно, как они, вы бы и зарабатывали столько же – любой так может, а если вы не знаете, как устроиться в жизни, так это лишь ваша вина.

Когда они наконец рассаживались за маленькими столиками просторного кафе, куда заходили только по делам, они принимались жаловаться на тяжёлые времена и отсутствие солидарности со стороны американских евреев. Что они там думают? Здесь умирают люди, им нечего есть. Здесь происходят ужаснейшие вещи, а американская пресса молчит, и еврейские банкиры по ту сторону океана пальцем не шевельнут, чтобы заставить Америку объявить войну Германии, хотя легко могли бы дать такой совет, если бы захотели.

Никто в «Новочесной» не обращал внимания на мою музыку. Чем громче я играл, тем громче разговаривали ужинающие и выпивающие, и каждый день мы с аудиторией соревновались, кто кого потопит. Как-то раз один посетитель даже прислал официанта, чтобы попросить меня ненадолго прервать игру, – из-за музыки он не мог проверить золотые двадцатидолларовые монеты, которые только что купил у другого посетителя. Потом он принялся осторожно постукивать монетами по мраморной поверхности столика, брать их кончиками пальцев, подносить к уху и внимательно вслушиваться в их звон – единственная музыка, к которой он испытывал интерес. Я недолго играл там. К счастью, я получил новое место в совершенно иного рода кафе на улице Сенной, где собиралась еврейская интеллигенция, чтобы послушать мою игру. Именно там я приобрёл репутацию артиста и обзавёлся друзьями, с которыми мне предстояло разделить и приятные, и ужасные времена. Среди постоянных посетителей кафе был талантливый художник Роман Крамштык, друг Артура Рубинштейна и Кароля Шимановского. В то время он работал над великолепным циклом рисунков, изображавших жизнь за стенами гетто, не зная, что сам он будет убит, а большинство работ утрачено.

Ещё одним посетителем кафе на Сенной улице был один из прекраснейших людей, каких мне доводилось встречать, – Януш Корчак. Он был образованным писателем и знал почти всех ведущих артистов движения «Молодая Польша». Он рассказывал о них так, что невозможно было оторваться, его манера изложения была одновременно прямолинейной и захватывающей. Его не рассматривали как писателя первого разряда – вероятно, потому, что его литературные достижения носили очень специфический характер: это были истории для детей и о детях, которые отличались великолепным пониманием души ребенка. Их диктовали не творческие амбиции, а позывы сердца прирождённого активиста и педагога. Истинная заслуга Корчака была не в том, что именно он писал, а в том, что он жил точно так же, как писал. Много лет назад, на заре своей карьеры, он посвящал детям каждую минуту свободного времени и каждый лишний злотый, и он остался верен им до самой смерти. Он основывал сиротские приюты,

организовывал всевозможные сборы для бедных детей и выступал на радио, чем заслужил себе огромную популярность (и не только среди детей) под именем «Старого доктора». Когда ворота гетто закрылись, он вошёл внутрь, хотя мог бы спасти свою жизнь, и продолжал выполнять в его стенах свой долг – долг приёмного отца для дюжины еврейских сирот, самых бедных и покинутых детей в мире. Беседуя с ним на Сенной улице, мы не знали, какой высокой и прекрасной жертвой завершится его жизнь.

Через четыре месяца я снова перебрался в другое кафе – «Штука» («Искусство») на улице Лешно. Это было крупнейшее кафе в гетто, стремившееся создать у себя творческую атмосферу. В его концертном зале проходили музыкальные вечера. Среди певцов была Мария Эйзенштадт, чей чудесный голос сейчас был бы известен миллионам, если бы впоследствии её не убили немцы. Сам я играл на фортепиано дуэтом с Анджеем Гольдфедемом, и большим успехом пользовалось моё исполнение парафраза вальса из «Казановы» Людомира Ружицкого на слова Владислава Шленгеля. Этот самый поэт Шленгель появлялся в кафе ежедневно вместе с Леонидом Фокчанским, певцом Анджеем Властом, известным сатириком Вацусем-Искусствоведом и Полей Брауновной, – все они участвовали в шоу «Живая газета», остроумной хронике жизни в гетто, полной едких и рискованных намёков на немцев. Рядом с концертным залом был бар, где те, кто предпочитали еду и выпивку искусству, могли получить изысканные вина и отменно приготовленные котлеты де-воляй или бефстроганов. И концертный зал, и бар почти всегда были полны, так что в то время я неплохо зарабатывал и как раз мог обеспечить нашу семью из шести человек, хотя и не без труда.

В «Штуке» я завёл множество друзей, с которыми мог поговорить между выступлениями, и был бы по-настоящему счастлив, если бы не мысли о возвращении домой по вечерам. Они омрачали весь мой вечер.

Стояла зима 1941–42 года, очень суровая зима для гетто. Море нищеты плескалось вокруг маленьких островков относительного процветания еврейской интеллигенции и роскошной жизни спекулянтов. Бедняки уже были серьёзно ослаблены голодом и не могли защититься от мороза, так как не все были в состоянии приобрести топливо. А ещё их одолевали паразиты. Гетто кишело паразитами, с которыми ничего не могли поделать. Одежда прохожих, которых можно было встретить на улице, была полна вшей, как и салоны трамваев, и магазины. Вши ползали по мостовым, поднимались по лестницам и падали с потолков учреждений, которые приходилось посещать по множеству причин. Вши пробирались между страницами газеты, в мелочь в кошельке; вши ползали даже по корке свежкупленного рулета. И каждый из этих кровососов мог быть разносчиком тифа.

В гетто разразилась эпидемия. Ежемесячно смертность от тифа составляла пять тысяч человек. Тиф стал основной темой разговоров и у богатых, и у бедных, – бедняки лишь задавались вопросом, когда придёт их черед умирать, а богачи интересовались, как раздобыть вакцину доктора Вайгля и защитить себя. Доктор Вайгль, гениальный бактериолог, стал самой популярной фигурой после Гитлера: так сказать, добро бок о бок со злом. Говорили, что немцы арестовали его в Лемберге, но, слава Богу, не убили, а даже почти признали почётным гражданином Германии. Говорили, что они предложили ему отличную лабораторию и прекрасную виллу с не менее прекрасным автомобилем, – но предварительно его следовало поместить под надзор гестапо, чтобы он точно не сбежал вместо того чтобы изготовить как можно больше вакцины для завшивевшей немецкой армии на востоке. Разумеется, как гласили рассказы, от виллы и автомобиля доктор Вайгль отказался.

Не знаю, что из этих рассказов о нём – правда. Я знаю только, что он, слава Богу, выжил и что после того, как он рассказал немцам секрет своей вакцины и перестал быть для них полезен, его каким-то чудом не отправили в газовую камеру. Как бы то ни было, благодаря его изобретению и немецкому корыстолюбию многие варшавские евреи не умерли от тифа – хотя бы для того, чтобы впоследствии умереть как-то иначе.

Сам я не прививался. Я мог бы себе позволить только одну дозу сыворотки – для себя, но не для остальных родных, и такого я не хотел.

В гетто не было возможности хоронить умерших от тифа достаточно быстро, чтобы успевать за уровнем смертности. Однако трупы нельзя было и просто оставить в доме. В результате появилось временное решение: мёртвых раздевали – их одежда была слишком ценна для живых, чтобы оставить её на трупе, – и выкладывали на мостовой, завернув в бумагу. Зачастую они лежали там несколько дней, пока не приезжал транспорт Совета и не увозил их в братские могилы на кладбище. Из-за этих мёртвых тел, среди которых были умершие не только от тифа, но и от голода, мой вечерний путь из кафе домой и был так ужасен.

Я уходил одним из последних, вместе с управляющим кафе, когда выручка за день была подсчитана, а я получал своё жалование. Улицы были тёмными и почти безлюдными. Я зажигал фонарь и высматривал мертвецов, чтобы не споткнуться и не упасть на них. Ледяной январский ветер дул мне в лицо или гнал меня вперёд, шуршал бумагой, в которую были завернуты трупы, поднимал её, обнажая тощие голени, провалившиеся животы, лица с оскаленными зубами и глазами, глядящими в никуда.

Тогда я ещё не настолько привык к мертвецам, как впоследствии. Я спешил по улицам в страхе и омерзении, чтобы попасть домой как можно скорее. Мать ждала меня с миской спирта и пинцетом. Она, как могла, заботилась о здоровье семьи во время этой опасной эпидемии, так что впускала нас в квартиру дальше прихожей только обобрав вшей со всем старанием с наших шляп, пальто и костюмов с помощью пинцета и утопив их в спирте.

Весной, когда я теснее сдружился с Романом Крамштыком, я часто шёл из кафе не домой, а к нему, в квартиру на улице Электоральной, где мы сидели и болтали до поздней ночи. Крамштык был счастливчиком: он один занимал крошечную комнату со скошенным потолком на последнем этаже. Здесь он хранил все свои сокровища, не разграбленные немцами: широкий топчан, покрытый турецким ковром, два дорогих старинных стула, милый ренессансный комодик, персидский ковёр, небольшую коллекцию старинного оружия, немного картин и всевозможные мелочи, которые он собрал за многие годы в разных частях Европы, – каждая вещь была сама по себе маленьким шедевром и радовала глаз. Хорошо было сидеть в этой маленькой комнате при мягком жёлтом свете лампы, накрытой абажуром работы самого Романа, пить чёрный кофе и весело болтать. Пока не стемнело, мы выходили на балкон подышать воздухом – наверху он был чище, чем на пыльных, душных улицах. Приближался комендантский час. Люди уже разошлись по домам и заперли двери; весеннее солнце, клонясь к горизонту, отбрасывало розовый отсвет на цинковые крыши, стаи белых голубей летели в голубом небе, и аромат сирени доносился через стены из соседнего Саксонского сада, проникая даже сюда, в наш квартал проклятых.

Это был час детей и безумцев. Мы с Романом уже высматривали на Электоральной улице «даму с перьями», как мы звали нашу сумасшедшую. Выглядела она необычно. Её щёки были ярко нарумянены, а брови толщиной в сантиметр нарисованы карандашом от виска к виску. Она заворачивалась в старую потрёпанную зелёную занавеску поверх ветхого старого платья, а из её соломенной шляпы торчало вверх огромное лиловое страусиное перо, мягко покачиваясь в такт её быстрым нетвёрдым шагам. По пути она постоянно останавливала прохожих и с вежливой улыбкой спрашивала о своём муже, которого немцы убили у неё на глазах.

– Извините... вы случайно не видели Исаака Шермана? Такого высокого красивого мужчину с седой бородкой?

Она пристально вглядывалась в лицо прохожего, затем, получив отрицательный ответ, разочарованно вскрикивала: «Нет?». На мгновение её лицо искажалось гримасой боли, которую тут же сменяла любезная, хотя и натянутая улыбка.

– О, простите, простите меня! – говорила она и шла дальше, покачивая головой, – отчасти сожалея, что отняла чужое время, отчасти изумляясь, что кто-то не знал её мужа Исаака, такого красивого и приятного человека.

Примерно в то же время по Электоральной улице прогуливался и человек по прозвищу Рубинштейн, оборванный и растрёпанный, в болтающейся одежде. Он размахивал тростью, подпрыгивал и приплясывал, что-то мычал и бормотал себе под нос. В гетто он был знаменитостью. Уже издали было понятно, что он идёт, по вечному возгласу: «Давай, парень, не вешай нос!». Он задался целью поддерживать в людях бодрость духа, веселя их. Его шутки и смешные замечания слышались по всему гетто и несли с собой радость. Его коронным номером было подойти к немецким жандармам и начать скакать вокруг них, строить рожи, обзывать: «Ах вы негодяи, бандиты, шайка воров!» – и ещё более непристойными словами. Немцы находили это забавным и часто бросали Рубинштейну сигареты и мелочь за оскорбления – в конце концов, нельзя же принимать всерьёз этого сумасшедшего.

Я был в этом не так уверен, как немцы, и до сих пор не знаю, действительно ли Рубинштейн был одним из множества тех, кто утратил рассудок от перенесённых мучений, или просто разыгрывал из себя шута, чтобы спастись от смерти. Нельзя сказать, чтобы ему это удалось.

Сумасшедшие не обращали внимания на комендантский час – он ничего для них не значил, как и для детей. Эти маленькие призраки появлялись из подвалов, переулков и подворотен, где ночевали, подгоняемые надеждой, что в последний час дня им ещё удастся вызвать жалость в людских сердцах. Они стояли у фонарных столбов, у стен и на дороге, запрокинув головы, и монотонно скулили о том, что голодны. Самые музыкальные дети пели. Тонкими, слабыми голосочками они тянули балладу о молодом солдате, раненном в бою, – всеми покинутый, он умирает с криком «Мама!». Но его матери здесь нет, она далеко отсюда, она не знает, что её сын лежит при смерти, и лишь земля баюкает несчастного, навевая вечный сон шорохом листьев и трав: «Спи спокойно, сынок, спи спокойно, мой милый!». И упавший на грудь убитому цветок с дерева – его единственный почётный крест.

Другие дети пытались воззвать к совести людей, обращаясь к ним с мольбами: «Мы очень, очень проголодались. Мы так долго ничего не ели. Дайте нам корочку хлеба, а если у вас нет хлеба, так хоть картошку или луковицу, просто чтобы мы могли дожить до утра».

Но мало у кого была эта луковица, а у кого и была, тот не находил в себе милосердия, чтобы отдать её, ибо война обратила его сердце в камень.

2. Война

К 31 августа 1939 года в Варшаве уже никто не сомневался, что война с немцами неизбежна. Разве что неисправимые оптимисты ещё тешили себя иллюзией, что решимость Польши остановит Гитлера в последний момент. У других оптимизм проявлялся, отчасти неосознанно, в виде оппортунизма: внутреннего убеждения, вопреки всякой логике, что, хотя война начнётся неизбежно, – это давно решено – её реальное начало немного задержится и они смогут ещё немного пожить полной жизнью. В конце концов, жизнь – хорошая штука.

По ночам в городе тщательно «устраивали темноту». Люди плотно закрывали комнаты, которые планировали использовать как газовые убежища, и примеряли противогазы. Газа боялись больше всего на свете.

Тем временем за зашторенными окнами кафе и баров продолжали играть оркестры, а посетители пили, танцевали и распаляли в себе патриотизм, распевая воинственные песни. Необходимость затемнения, возможность прогуляться с висящим на плече противогазом, возвращение ночью на такси по внезапно изменившимся улицам, – всё это придавало жизни определённую остроту, тем более что реальной опасности ещё не было.

Гетто ещё не было, я жил с родителями, сестрами и братом на улице Сливской и работал пианистом на Польском радио. В тот последний день августа я пришёл домой поздно и сразу лёг спать, так как очень устал. Наша квартира была на третьем этаже, и у такого расположения были свои преимущества: летними ночами пыль и уличная вонь оседали вниз, а в наши открытые окна вливался свежий воздух, принося влагу с Вислы.

Меня разбудил гул взрывов. Уже рассвело. Я посмотрел на часы: шесть утра. Взрывы были не особенно громкими и раздавались как будто где-то далеко – во всяком случае, за пределами города. Видимо, шли военные учения – мы привыкли к ним в последние дни. Через несколько минут взрывы прекратились. Я задумался, не поспать ли ещё, но уже было слишком светло и солнечно. Я решил почитать до завтрака.

Было, наверное, не меньше восьми, когда дверь в мою спальню открылась. За ней стояла мать, одетая так, как будто в любой момент была готова отправляться в город. Она была бледнее обычного и не могла скрыть некоторого неодобрения, видя, что я всё ещё в постели и читаю. Она открыла рот, но на первом же слове её голос прервался, и ей пришлось прочистить горло. Наконец она произнесла, нервно и торопливо: «Вставай! Война... началась война».

Я решил сразу же идти на радиостанцию – там я встречу друзей и узнаю последние новости. Я оделся, позавтракал и вышел из дома.

На стенах и рекламных тумбах уже виднелись большие белые плакаты с посланием президента к нации, где говорилось, что немцы напали на нас. Кое-где стояли небольшие группы людей, читавших плакаты, другие спешили кто куда по самым срочным делам. Хозяйка магазинчика рядом с нашим домом клеила на окна полоски белой бумаги в надежде, что это защитит их при будущей бомбёжке. Тем временем её дочь украшала флажками Польши и портретами высокопоставленных чиновников лотки с яичным салатом, ветчиной и колбасами. Мальчишки-газетчики, задыхаясь, неслись по улицам, разнося специальные выпуски.

Паники не было. Общее настроение колебалось от любопытства – что-то будет дальше? – до удивления: что, вот так вот оно и началось?

Какой-то седой, гладко выбритый господин неподвижно застыл перед одной из тумб с президентским посланием. Его смятение выдавали багровые пятна на лице и шее, шляпу он сдвинул на затылок, чего явно никогда бы не сделал в обычных обстоятельствах. Он изучал сообщение, недоверчиво качал головой и снова читал, ещё сильнее сдвинув пенсне на кончик носа. Несколько слов он в негодовании прочёл вслух: «Они напали на нас... без предупреждения!».

Он огляделся, чтобы посмотреть на реакцию соседей, поднял руку, поправил пенсне и заметил: «Определённо, так поступать нельзя!». И даже уходя, после того как еще раз прочёл всё послание, так и не в силах справиться с волнением, он покачивал головой и бормотал: «Нет, нет, так не пойдёт!».

Я жил неподалёку от студии радиовещания, но добраться туда оказалось нелегко – дорога заняла вдвое больше обычного времени. Я прошёл около половины пути, когда из громкоговорителей на фонарях, в окнах и над дверями магазинов взвыли сирены. Затем послышался голос диктора: «Воздушная тревога в городе Варшава... Внимание! Приготовиться...». Диктор прочитал список цифр и букв алфавита – какой-то военный шифр, прозвучавший таинственной каббалистической угрозой для обычных ушей. Может быть, цифры означали число вылетевших самолетов? А буквенные коды – места, куда упадут бомбы? Может быть, то место, где мы стояли, – как раз одно из них?

Улица мгновенно обезлюдела. Женщины в страхе бросились в убежища. Мужчины спускаться не хотели; они так и стояли в дверях, бранили немцев, бахвалились своей храбростью и изливали гнев на правительство, сорвавшее мобилизацию, так что призваны были лишь немногие мужчины, годные к военной службе. Остальные обивали пороги военных структур, не в силах попасть в армию ни по любви, ни по расчёту.

На пустой, безжизненной улице слышались лишь перебранки дружинников с теми, кто упорно стремился выйти из подъездов по какому-нибудь делу и пытался продолжать путь, держась вдоль стен. Через мгновение послышались ещё взрывы, но тоже не слишком близко.

Я добрался до студии радиовещания как раз когда смолкла третья сирена. Всё равно там никто не успел бы добраться до убежища по её сигналу.

В сетке вещания царил хаос. Стоило нам кое-как склепать подобие временной программы передач, поступали важные сообщения – военные или дипломатические. Приходилось прерывать всё и срочно передавать эти новости с вкраплением военных маршей и патриотических гимнов.

Такой же разброд царил и в коридорах студии, но в то же время там преобладал дух воинственной самоуверенности. Один из ведущих, которого призвали на фронт, пришёл попрощаться с коллегами и похвастаться военной формой. Он, вероятно, ожидал, что все столбятся вокруг него, будут трогательно прощаться и говорить вдохновляющие слова, но его постигло разочарование: ни у кого не было времени уделять ему столько внимания. Так он и стоял, хватая за пуговицу всех пробегающих мимо коллег и пытаясь хоть частично вывести в эфир свою программу «Прощание с гражданской жизнью», чтобы было о чём однажды рассказать внукам. Он не мог знать, что две недели спустя у них точно так же не найдётся для него времени, – даже для того, чтобы почтить его память достойными похоронами.

За дверью студии меня поймал за рукав старый пианист, работавший на нашей радиостанции, милый старый профессор Урштейн. Другие измеряют свою жизнь в днях или часах, а он – в десятилетиях работы аккомпаниатором. Когда профессор пытался вспомнить какое-нибудь событие из прошлого, он говорил: «Так, посмотрим. Тогда я аккомпанировал такому-то...», – и, стоило ему установить день того или иного аккомпанемента, словно дорожный столб на обочине, как он давал своей памяти возможность выстраивать другие, однозначно более мелкие ассоциации. А теперь он стоял, оглушённый и растерянный, у дверей студии. Как воевать без фортепианного аккомпанемента? Как так может быть?

– Даже никто не скажет, работаю ли я сегодня, – в растерянности жаловался он.

Во второй половине дня работали мы оба, каждый за своим пианино. Музыкальные передачи всё ещё продолжались, пусть и не по расписанию.

В середине дня некоторые из нас проголодались и вышли из студии перекусить в ближайшем ресторане. Улицы выглядели почти обыкновенно, будучи забиты трамваями, автомобилями и пешеходами. Магазины работали, и перед ними даже не было очередей, поскольку

мэр обратился к населению с просьбой не запасаться провизией, уверяя, что в этом нет необходимости. Уличные торговцы успешно продавали бумажную игрушку в виде свиньи, которая, если сложить бумагу и развернуть особым образом, превращалась в лицо Гитлера.

Мы нашли свободный столик в ресторане, хотя и не без труда, и оказалось, что сегодня некоторые блюда из обычного меню недоступны, а другие изрядно выросли в цене. Спекулянты не теряли времени даром.

Разговор за обедом вращался в основном вокруг будущего объявления войны со стороны Франции и Британии, которого ожидали в самое ближайшее время. Большинство из нас, не считая пары безнадёжных пессимистов, были убеждены, что теперь они вступят в войну с минуты на минуту, а многие также считали, что войну Германии объявят и США. Аргументы мы брали из опыта Первой мировой, и всем казалось, что единственная цель конфликта – показать нам, как надо было лучше вести её, и на этот раз сделать всё правильно.

То самое объявление войны со стороны Франции и Великобритании стало реальностью 3 сентября.

Было уже одиннадцать часов, но я ещё не выходил из дома. Мы не выключали радио весь день, чтобы не упустить ни слова из важнейших новостей. Сводки с фронтов поступали иные, чем мы ожидали. Наша кавалерия атаковала Восточную Пруссию, авиация бомбила военные объекты Германии – но в то же самое время превосходящие военные силы противника снова заставляли польскую армию откуда-то отступить. Как такое возможно, когда наша пропаганда утверждала, что немецкие самолёты и танки сделаны из картона и заправлены синтетическим горючим, которое не годится даже для зажигалок? Над Варшавой уже сбили несколько немецких самолётов, и очевидцы утверждали, что на трупах вражеских лётчиков видели бумажную одежду и обувь. Как могли столь скверно экипированные войска заставлять нас отступать? Чепуха какая-то.

Мать хлопотала в гостиной, отец упражнялся в игре на скрипке, а я сидел в кресле и читал. В этот момент какая-то несущественная программа прервалась, и голос диктора сказал, что сейчас будет сделано крайне важное объявление. Мы с отцом бросились к приёмнику, а мать пошла в соседнюю комнату звать моих двух сестёр и брата. Тем временем радио передавало военные марши. Диктор повторил своё сообщение, опять заиграли марши, за ними – снова объявление о будущей войне. Нервы у всех нас уже были напряжены до предела – и тут наконец раздались звуки национального гимна, а за ним последовал гимн Великобритании. Так мы узнали, что противостоям врагу уже не в одиночку, – у нас есть могущественный союзник, и война обязательно будет выиграна, хотя будут и взлёты, и падения, и сейчас наше положение, возможно, не из лучших.

Трудно описать, до какой степени мы были взволнованы, слушая это объявление. У матери в глазах стояли слёзы. Отец рыдал без всякого стеснения, а мой брат Генрик не упустил возможности ткнуть меня кулаком и довольно грубо заявить: «Вот тебе! Я же говорил!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.